

**Авраам Ибн Эзра – последний великий поэт
Золотого века Испании**

Элизабета Левин, PhD

Доклад автора на семинаре по истории иудаизма, Хайфа, 2015.

*Век иной — иные птицы
Генрих Гейне*

Рабби Авраам Ибн Эзра (~1090 - 1164) – по праву считается одним из самых разносторонне одаренных представителей средневековья. В современном Израиле интерес к его творчеству неуклонно растет. В 2010 г. вышло академическое издание стихов Ибн Эзры, в предисловии к которому составитель и редактор Исраэль Левин – один из крупнейших израильских исследователей Золотого века еврейской поэзии Испании – привел уточненную биографию поэта. По мнению Левина, личность Ибн Эзры заслуживает особого внимания, так как именно он стал последним великим поэтом Золотого века Испании, писавшим на иврите и создавшим грамматику современного языка.

Многомерность таланта Ибн Эзры воистину поразительна. Парадоксально, но именно этот факт на протяжении многих столетий служил препятствием для адекватного восприятия его творчества. Почему это произошло, и почему создается впечатление, что чем дальше мы отдаляемся от эпохи Ибн Эзры, тем ближе и доступнее становятся нам его язык и идеи? Данная статья пытается ответить на эти непростые вопросы, но для этого требуется сначала перечислить хотя бы часть тех многочисленных областей знания, в которых Ибн Эзра внес свой вклад в мировую культуру.

1. Экзегетика. Авраам Ибн Эзра составил самые обширные комментарии к Танаху, включая толкования *Экклесиаста*, *Книги Эстер* и *Песни Песней*. Вместе с Раши и Рамбамом он входит в триумvirат наиболее почитаемых библейских комментаторов средневековья. Его комментарии отличались независимостью суждений и критическим подходом к писаниям, что впоследствии вызывало восхищение Спинозы. Его энциклопедичность и скрупулезность не перестает поражать исследователей. Например, в своих трудах Ибн Эзра упомянул около 40 средневековых комментаторов Торы, имена которых стали известны миру лишь благодаря ему.

2. Грамматика, теория поэзии, лингвистика, логика. По мнению Левина, именно Ибн Эзра наиболее полно составил правила стихосложения и выделил 18 поэтических размеров, принятых в иврите и поныне. Он также ввел много новых слов и научных терминов на иврите.

3. Математика. Ибн Эзра был знатоком *Книги созидания* и стал важным звеном в цепочке, связывавшей традиции древнееврейских, греческих, индийских и арабских математиков. В комбинаторике его имя упоминается в связи с биномом Ньютона. В теории чисел он первым в Европе предложил ввести ноль, а его трактат по арифметике *Книга числа* способствовал принятию в Европе десятичной записи чисел.

4. Философия. Ибн Эзра был последователем пифагорейцев и ярким представителем неоплатонизма.

5. Арабист. Одной из главных заслуг Ибн Эзры считается наведение мостов между еврейскими общинами Испании, родным языком которых был арабский, и общинами Германии и Франции, не владевшими этим языком. Благодаря знакомству с Ибн Эзрой, семейство Ибн Тибон ознакомилось с трудами Иегуды Галеви и Рамбама (Маймонида) и занялось их переводом на иврит

Ибн Эзра был также одним из первых, кто переводил писания арабских мыслителей на иврит. Он много странствовал по христианской Европе, повсюду распространяя среди местных евреев рационалистические подходы, разработанные в Испании на основе греко-мусульманских научных взглядов. Его переводы на иврит пользовались популярностью, многократно переписывались, а затем переводились на другие европейские языки. В результате именно по переводам Ибн Эзры можно судить об уровне астрономических познаний аль-Бируни или аль-Хорезми. Благодаря Ибн Эзре, мы можем ознакомиться и с редкой жемчужиной арабской литературы – с книгой Ибн Сины (Авиценны) *Хай бен Мекиц (Живой сын Бодрствующего)*.

6. Естествоведение. Ибн Эзра был не только мыслителем-теоретиком. Куда бы он ни направлялся в своих странствиях, с ним была его астролябия, и он постоянно вел наблюдения за звездным небом. Его трактат об астролябии стал едва ли не первым в Европе руководством по конструкции измерительных приборов.

7. Астрономия. Ибн Эзра одним из первых изучал большие циклы – периодические повторения определенных планетарных констелляций. Он называл их "махбарот" (на иврите "соединения"). В частности, его внимание привлек большой цикл, порядка 953 лет. Впоследствии эти работы были переведены на

латынь кардиналом Пьетро д'Айли. Ибн Эзра также переводил на иврит работы арабских астрономов и писал труды о календаре. Особый интерес представляет его *Послание к Субботе*, в котором он размышлял о времени, о сроках, о началах и концах дней, месяцев, праздников и других периодических событий.

8. Каббала. В работах Ибн Эзры содержатся как явные упоминания *Книги Созидания*, так и многочисленные цитаты из нее без указания источника (так было принято в средневековье). Во многих комментариях к Торе он пользовался основными каббалистическими понятиями и повторял каждое толкование на четырех различных уровнях, соответствующих каббалистической схеме "Пардес" (букв. "апельсиновый сад", акроним פשוט, רמז, דרש, טעם, включающий 4 уровня восприятия Торы). Специалисты видят в Ибн Эзре предвестника расцвета каббалистической мысли Испании, одним из первых разглядевших в Торе подтексты, доступные только для посвященных.

9. Шахматы. О любви Ибн Эзры к шахматам свидетельствует его поэма, посвященная правилам этой древней игры. Историки шахмат узнают из нее о названиях фигур и о ходах, принятых 1000 лет тому назад. В этой светской поэме Ибн Эзра показал также свое умение использовать шахматы как аллегорию борьбы между христианством (красные фигуры, "Эдом") и мусульманством (черные фигуры, цвет Ислама). По его мнению, эта борьба будет периодически повторяться во многих поколениях.

10. Астрология. Общеизвестно, что Ибн Эзра был величайшим астрологом-теоретиком своей эпохи. Он написал девять оригинальных астрологических трудов, включая шесть томов энциклопедии астрологии на иврите, а также был переводчиком двух арабских астрологических книг. Его интересы в астрологии охватывали все известные ее разделы – натальную, медицинскую, мунданную, элективную и хорарную астрологии. Как и в других областях, Ибн Эзра продемонстрировал энциклопедические знания работ предшественников. Он смело оспаривал мнения древнеегипетских, индийских, персидских и арабских авторитетов и пространно цитировал астрологический фолиант *Тетрабиблос* (Четверокнижие) Клавдия Птолемея. Вдобавок его астрологические тексты сопровождались цитатами из *Книги Созидания* и перемежались аллегориями и притчами из Талмуда.

Исследования таких специалистов в иудаизме как профессор Шломо Сэла и профессор Меир Бар Илан показывают, что астрология для Ибн Эзры была неотъемлемой частью Торы и высшего Знания. В своих комментариях к Торе Ибн Эзра прибегал к астрологическим понятиям по крайней мере 150 раз, и потому,

например, рабби Йегуда Лейб Флейшер утверждал, что их в принципе невозможно понять без понимания сути астрологии.

Характерно, что астрологические труды Ибн Эзры написаны им от первого лица. С одной стороны, они отличаются математической логикой и системной подачей материала, а с другой стороны, в них ощущается эмоциональный накал и желание убедить читателя. В некоторых случаях книги были записаны в двух версиях – полной и сокращенной (для менее искушенных читателей).

11. Медицина. Ибн Эзра заложил основы медицинской астрологии. Тем не менее, по сей день идут споры, был ли он также практикующим врачом. Ясно лишь, что в медицине, как и во всех других областях, он пытался отыскать закономерности. Например, он большое значение уделял здоровому образу жизни и правильному питанию. В этих вопросах он не боялся перечить такому авторитету как Саадия Гаон. Так, Саадия Гаон приписывал чуду то, что пророк Даниэль и его братья имели цветущий вид, несмотря на то, что они отказались от мясной обильной пищи, предложенной им при дворе Навуходоносора в Вавилонском изгнании. В противовес этому, Ибн Эзра полагал, что прекрасное здоровье юношей из книги Даниэля было естественным следствием их здоровой диеты – вегетарианства и добавки в еду риса. Такая пища, по его мнению, приятна душе; она очищает и насыщает тело.

12. Поэзия. Поэзия Ибн Эзры пронизывает все его труды; она неотъемлема от него самого. Очень емко писал о ней Йегуда Алхаризи (1165-1225): "Стихи Ибн Эзры укрепляют душу в час невзгоды и действуют живительно, как освежающий дождь в знойный день. Вся его поэзия возвышена по своему настроению и глубока по содержанию".

Суммируя этот краткий перечень областей творчества Ибн Эзры, невольно задумываешься о том, с какими сложностями сталкиваются его исследователи при попытке воссоздать цельный образ личности такого масштаба. Глядя на жизнь этого странствующего ученого, сочинившего множество трактатов и сопровождавшего каждый из них поэтическими строками, специалисты видели в нем предтечу Ренессанса и сравнивали его с Аристотелем.

Восприятие такой многогранной личности особенно проблематично в силу того, что в идеале читатели, биографы и исследователи должны быть знакомы со всеми областями, которыми занимался Ибн Эзра. К сожалению, на сегодняшний день произведения Ибн Эзры анализируются узкими

специалистами в разных областях в отрыве друг от друга. Например, в сборнике поэзии Ибн Эзры не включены его страстные и проникновенные поэтические молитвы, которыми он предварял все свои труды. При анализе его стихов ударение делается на форму и грамматику, а не на их научную, каббалистическую или религиозную суть. При рассмотрении математических работ упускаются из виду ссылки на *Книгу Созидания*, а при изучении астрологических трактатов забываются их библейские подтексты.

Примечательно, что Ибн Эзра-мистик остается практически неисследованным. Даже Исраэль Левин, которому удалось наиболее полно синтезировать разные уровни жизнедеятельности и сознания Ибн Эзры, с недоверием относится к его мистическим переживаниям. Рассказ о том, как Ибн Эзра, находясь в Англии, получил во сне *Послание субботы* от ангелов, Исраэль Левин называет первым оригинальным фантастическим произведением. Но сам Ибн Эзра отнюдь не считал это фантастикой. Кстати, подобные сны были описаны, например, Рамбамом, Декартом или первым английским поэтом Кэдмоном, и они тоже принимали их за действительность.

Как отмечает профессор Бар Илан, пренебрежение теми или иными убеждениями Ибн Эзры доходит до того, что многие историки науки и религии не упоминают ни его пифагорейства, ни занятий астрологией, и тем самым в корне изменяют его основные идеи. Создается впечатление, что как в притче о царе Соломоне и ребенке, наука и религия, поэзия и астрология, все между собой спорят по поводу Ибн Эзры, и каждая утверждает, что его талант принадлежит лишь ей одной. Сам же Ибн Эзра не посвящал себя целиком ни одной из этих областей по отдельности. Как нельзя отделить северный магнитный полюс от южного, так невозможно отделить Ибн-Эзру поэта от Ибн-Эзры ученого или Ибн-Эзры астролога и комментатора Торы. В стихотворении "Странствия истощили меня" он писал о себе:

בְּכֹל מְקוֹם גִּרְתִּי
סְפָרִים חִבַּרְתִּי
וְסוּדוֹת בְּאַרְתִּי
וְכִרְאֵי מוֹצָקִים

В Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона приводится такой подстрочный перевод:

"Я пребывал в этих местах как скиталец, писал много и раскрывал людям тайны науки".

Характерно, что с одной стороны, в этом подстрочнике появляется понятие "наука", отсутствующее у автора, а с другой стороны, исчезают рифмы, ритмы и библейский подтекст оригинала. Ближе к тексту перевод звучит так:

"Повсюду я бывал
Книги сочинял
Тайны раскрывал
как зеркало литое твердые".

Последняя строка этого стиха взята поэтом из Иова (37:18):

תְּרַקֵּעַ עִמּוֹ, לְשִׁתְּקִים; הַזִּקִּים, כְּרָאִי מוֹצֵק (לז יח)

"Построил ли ты вместе с Ним небеса, твердые, как зеркало литое?"

Для тех, кто знаком с глубоким подтекстом этих строк из книги Иова, в которых Б-г напоминает ему о сложности законов звездного неба, ясно, что Ибн Эзра, как всегда, писал намеками, писал кратко, ритмично и емко. Чтобы понять его, нужно обладать энциклопедическими знаниями Танаха и осознавать, что в каждом его стихе заключена небесная мудрость Торы и ссылки на многие поколения ее толкователей. При замене этой цитаты из Иова на слово "наука" остается лишь один уровень восприятия, лишь одно рациональное толкование, в котором нет места всей глубине четырех уровней мировосприятия Ибн Эзры.

Близится к тысяче лет расстояние, отделяющее нас от Ибн Эзры. Но странное дело – кажется, будто с каждым десятилетием образ великого мудреца не только не стирается в памяти людской, а проступает все детальнее и яснее, становясь более близким и доступным для нынешних поколений. Как будто не прямая стрела времени отделяет нас от него, а циклическая круговая траектория, следуя по которой, мы вновь приближаемся к тому историческому витку, на котором легче сфокусировать взгляд на личности Ибн Эзры. Как будто подтверждая известные слова из псалма Моисея, что "тысяча лет в глазах Твоих, как день вчерашний", язык и идеи сочинений Ибн Эзры перекликаются с тематикой наших дней и находят живой отклик в сердцах современных читателей. Может показаться парадоксальным, но в какой-то степени язык Ибн Эзры, жившего за тысячу лет до нас, сегодня воспринимается легче, чем язык Бялика или Черниховского, живших в прошлом веке.

С точки зрения лингвистики, это можно объяснить тем, что современный иврит отказался от произношения, принятого в России прошлых веков, и перенял упрощенный вариант сефардского произношения, близкий поэтам Золотого века

Испании. Несмотря на то, что часть слов и понятий Ибн Эзры уже устарели, музыка его поэзии созвучна нынешним ритмам иврита.

Но не только язык Ибн Эзры сегодня становится яснее, чем в прошлом столетии. За прошедший век историки избавились от многих досадных ошибок в биографии Ибн Эзры и восстановили авторство части его работ. Приведу лишь несколько источников ошибок. Во-первых, само имя поэта породило путаницу. Оказывается, в Испании тех лет известны два гения-однофамильца: Моше Ибн Эзра (1055? - 1135?) и Авраам ибн Эзра (1090?-1164). По-видимому, их связывали родственные узы. Оба были философами и знатоками теории поэзии, оба горько оплакивали уничтожение еврейских общин в Испании, оба были вынуждены покинуть родные края и стать скитальцами, оба тосковали по Испании и писали об одиночестве в странах "Эдома" (название христианских стран в средневековой литературе). Оба были дружны с другим великим поэтом тех дней – с рабби Иегуда Галеви. Такие параллели привели к тому, что даже специалисты филологи зачастую путали факты из жизни Моше и Авраама Ибн Эзры. Особо остро путаница между двумя поэтами возникает при рассмотрении перевода на русский поэмы Гейне "Иегуда бен Галеви", в которой воспето "триединое созвездие самых знаменитых поэтов", а именно, Ибн Эзра, Шломо ибн Гвируль и Иегуда Галеви. В ряде статей об Аврааме Ибн Эзре ошибочно полагалось, что именно его, а не Моше ибн Эзру, Гейне провозгласил "царем искусств". Позднее нашлись филологи, пошедшие на компромисс, расширив звездный триумvirат до квартета и включив в него имена обоих однофамильцев.

Сходными в Средневековье воспринимаются не только фамилии людей, но и названия мест. Например, из-за описок в иврите и перестановок букв ошибочно полагалось, что Ибн Эзра писал часть своих трудов на острове Родосе, так как еврейское название городка Дрё на юге Франции превратилось у переписчиков в Родос. Подобно этому, на протяжении многих лет считалось, что Ибн Эзра был родом из Толедо, и только недавно было окончательно установлено, что он родился в городе Тудела, в мусульманском королевстве Сарагосы. Городок этот принес миру целую плеяду знаменитых еврейских деятелей, и в их числе путешественник Биньямин из Туделы и каббалист Авраам Абулафия. Вдобавок, в Туделе находилось родовое поместье нескольких поколений влиятельного семейства Шапрут.

Напомню, что Хасдай ибн Шапрут (915-990?) был советником при дворе Абдуррахмана III, меценатом, ученым, врачом и поэтом, стоявшим вместе с Дунашем бен Лабратом (920-990) у истоков

Золотого века Испанской поэзии. Как отмечает Исраэль Левин, поэзию Ибн Эзры можно понять и оценить только в контексте ее исторической перспективы, только как заключительный аккорд поразительного явления поэзии Золотого века. Порядка 175 лет разделяло рождение зачинателей Золотого века Испании от рождения поэта, которому было суждено завершить эту удивительную эпоху. Случайно ли возникло это явление? Случайно ли завершилось? Попробуем по совету Левина рассмотреть его нарратив.

Временная цепочка рождений основных поэтов Золотого века Испании была недавно рассмотрена в книге *Часы Феникса*. Согласно модели больших исторических циклов, предложенной в ней, мировая культура делится на 493-летние циклы, названные годом Феникса. В свою очередь, каждый большой цикл делится на восемь неравномерных фаз, повторяющихся во всех годах Феникса и напоминающих возрастные периоды в жизни человека. Начало каждого такого цикла (час Феникса) знаменуется рождением великих поэтов и мыслителей, ответственных за создание новых парадигм. Например, начало нынешнего цикла (1885-1899 гг.) совпадает с рождением таких поэтов Серебряного века, как Хлебников, Мандельштам, Гумилев, Пастернак, Ахматова, Цветаева, или отцов квантовой физики, как Де Бройль, Шредингер, Бор. В древнем мире, в час Феникса, приходящийся на ~590- 560 гг. до н.э., родились Пифагор, Анакреон и Конфуций. В Римской Империи, в час Феникса, приходящийся на ~90 г.- 50 гг. до н.э, родились Вергилий и Гораций, Меценат и Октавиан Август. Аналогично, в средневековой Испании, в час Феникса, приходящийся на ~890-920 гг. родились Дунаш бен Лабрат, Хасдай ибн Шапрут и Абдуррахман III. Как уже упоминалось, именно Дунаш бен Лабрат сумел изменить стиль и форму поэтического творчества: он стал основателем светского жанра поэзии на иврите и первым ввел в нее размер. За ним в первой фазе года Феникса (в фазе "роста и развития") родились такие прославленные поэты как Шмуэль Ганагид (993-1056), Шломо ибн Гвироль (1021-1058), Моше ибн Эзра (1055-1139). Во второй фазе – в фазе "отрочества и юношеского протеста" родился Иегуда Галеви (1075-1141), трагически погибший в Иерусалиме. Вскоре за ним, но уже в третьей фазе – в "фазе возмужания", спустя приблизительно 170 лет после рождения бен Лабрата, родился Авраам Ибн Эзра (1090?- 1164). Именно он стал предвестником эпохи Возрождения и привел к тому, что последующие поэты Испании, Прованса и Италии переняли не только реформы бен Лабрата в стиле и в размере, но и начали наполнять поэзию

гуманистическими идеалами. Впоследствии Ибн Эзру цитировали практически все знаменитые мыслители и деятели Возрождения, среди них, например, Колумб, Пико де Мирандола, Джозеф Скалигер. При этом важно отметить, что на Ибн Эзре, в третьей фазе года Феникса оборвалась цепочка, и он вошел в историю как последний великий представитель той эпохи.

Такой нарратив очень близок к истории "Периклова века", названного историками Древней Греции "удивительным временем". В этом периоде нарастающая волна развития проходит от зарождения классического периода в дни Пифагора и Анакреона к Пиндару и Софоклу, Еврипиду и Аристофану, к Сократу и Платону. В третьей фазе того года Феникса, спустя приблизительно 180 лет после Пифагора, родился Аристотель, и именно с ним по значимости сравнивают Ибн Эзру.

В *Часах Феникса* также указывалось, что нам трудно сегодня понять представителей третьей фазы, так как в этом году Феникса мы еще не дожили до нее, а из прошлых циклов Феникса до нас дошли буквально считанные имена поэтов и мыслителей, родившихся в такие декады. Потому особенно интересно провести параллель между Ибн Эзрой и Джоном Мильтоном (1608-1674), родившимся через 520 лет после него, в третьей фазе последующего года Феникса. Основной чертой, объединявшей обоих поэтов, было их умение рассмотреть гармонию во всем сущем и возблагодарить Творца за все сотворенное. Об этой черте Ибн Эзры писал рабби Симха-Буним бар Цви из Пшисхи (1767-1827): "Я вообще не понимаю, как плечи Ибн-Эзры могли вынести столь великое почитание Бога". Это почитание было настолько полным и безоговорочным, что для Ибн Эзры не существовало ни времени, ни пространства вне понятия Воли и Существования Творца:

כל הזמנים הבל בלעדי עת רצונך
כל המקומות תוהו – בלתי בית מקומך.

("Все времена – суета без периодов Твоего желания/ Все места хаос – без Дома Твоего пребывания).

В свою очередь, Мильтон писал в *Потерянном раю*

По воле провиденья непреложной –
Благословен мой путь: он предуказан
Тем, кем мне задан мой земной урок.

(Перевод Ю. Корнеев)

Исследователи удивляются, как случилось, что в отличие от Рамбама, у Ибн Эзры не возникало конфликтов между его верой и

изучением астрологии, между предначертанием звезд и свободным выбором человека соблюдать заповеди Б-жьи. В одном из своих религиозных стихов он писал

שָׁמַיִם וְחַיִּיִם / וּבְנֵי אֲדָמָה לְמוֹלָם –

אָב אֶחָד לְכֻלָּם / וְיִשְׁמוּ מִבְּרִדָּה לְעוֹלָם!

("Небеса с их звездами / а напротив люди земные/ Один Отец у всех / и Имя его благословенно навеки".)

Интересным примером умения разрешать конфликты между различными взглядами на мир служит также поэма Ибн Эзры о Едином Боге и множестве его проявлений. Она написана в форме споров между временами года и считается первым в ивритской поэзии произведением, написанным в форме диалогов. В пылу спора зима и лето упрекают другие времена года в их вреде людям, и каждый убедительно доказывает, что только его дни лучшие на свете. Но автор не принимает ничьей стороны в этом споре, а показывает всем, что у каждого времени года есть свои преимущества и свои проблемы, и что все они хороши в свои сроки. И автор обобщает, что гармония мира требует, чтобы все дни и все начинания приходились на отведенные им сроки.

В этом Ибн Эзры коренным образом отличался от Рамбама. Рамбам, рожденный позднее, уже в четвертой фазе года Феникса – в фазе "кризиса середины жизни", отказался от поэтичности. Он не писал на иврите, не искал гармонии, а подчеркивал противоречия и борьбу. То, что у Ибн Эзры стремилось к единству, у Рамбама вызывало отторжение и порицание. Как говорил Гейне, иным временам – иные птицы.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть гармоничность подхода Ибн Эзры к жизни, к материи и к сознанию. Ему мало было "умозаключений" философов. Ему всегда и во всем необходимо было, по его словам,

לראות

בעיני קרביך,

באישוני לבבך

"видеть/ глазами нутра твоего/ и зрачками сердца твоего".

Надеюсь, что нынешние поколения сумеют воспринять наследие Авраама Ибн Эзры не только разумом, но и сердцем, и нутром. И тогда в третьей фазе нынешнего года Феникса появятся новые имена, способные поднять человечество на следующую фазу развития.

Литература

1. אברהם אבן עזרא - שירים. מאת: ישראל לויין – עורך. אוניברסיטת תל אביב, 2011.
2. מאיר בר אילן (ביקורת על) שלמה סלע, אסטרולוגיה ופרשנות המקרא בהגותו של אברהם אבן עזרא, רמת-גן תשנ"ט, קבלה, ז עמ' 331-359.
3. אליזבטה לויין. שיעון הפניקס, תל אביב, ידיעות ספרים, 2014.
4. Гита Глускина. *Авраам Ибн Эзра*. Заметки по еврейской истории, 6 (109), 2009.